

УДК 172.12+321.021

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.26>

Моральный город: возвращение политического

Т. Х. Керимов, Д. А. Томильцева*

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

Аннотация. Исследуются вопросы динамики деполитизации, контуры и характеристики предполагаемого «отхода политического», а также модальности и возможности для зарождающегося «возвращения политического». Понятие «моральный город» выявляет ряд новых способов повторного сосредоточения политического и условия предотвращения рисков постполитизации под знаком взаимоуважения, равенства и солидарности, открывая новые формы совместного существования. Рассматривается понятие постполитического города как пространства техно-управленческих диспозитивов, лишённого определенных политических требований, раскрываются концептуальные подходы к описанию морального города, приводятся примеры рекомендаций по организации взаимодействий между значимыми акторами морального города.

Ключевые слова: политика, политическое, постполитика, моральный город, моральный порядок.

Для цитирования: Керимов Т. Х., Томильцева Д. А. Моральный город: возвращение политического // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 26–39. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.26>

Original article

The Moral City: The Return of the Political

T. Kh. Kerimov, D. A. Tomiltseva*

*Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg,
Russian Federation*

Abstract. The concept of the post-political in social sciences is used as a critical tool to describe the form of neutralization of the distinction between politics and the political and the processes of depoliticization associated with it. Depoliticization processes displace the political from public space and integrate it into techno-managerial structures and mechanisms. The article explores the dynamics of depoliticization, the contours and characteristics of the supposed “retreat of the political,” and the modalities and possibilities for the emerging “return of the political”. The main idea of the article is that the idea of the “moral city” reveals a number of new ways of re-centring the political and the conditions for preventing the risks of post-politicization under the sign of mutual respect, equality and solidarity. Thus, the new forms of coexistence are opening up. This idea is argued in three parts of the article. The first part examines the concept of the post-political city as a space of techno-managerial dispositifs, devoid of specific political demands. The second part reveals conceptual ap-

proaches to the description of the moral city, and the third part provides examples of recommendations for organizing interactions between significant actors in the moral city.

Keywords: politics, political, post-politics, moral city, moral order.

For citation: Kerimov T.Kh., Tomiltseva D.A. The Moral City: the Return of the Political. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 50, pp. 26-39. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.26> (in Russian)

За последние десятилетия понятие умного города стало устойчивым и обязательным маркером городского развития, где повсеместное внедрение цифровых технологий позволяет сделать проживание в городах, особенно в мегаполисах, комфортным и безопасным. По крайней мере, так кажется на первый взгляд. Однако за активно развивающимися технологиями скрываются последствия и проблемы порой труднопрогнозируемые с технической точки зрения. Самым показательным примером этого может служить трагически известный мост Мапо в Сеуле. Его оснащение умными технологиями в 2012 г. не только не снизило количество самоубийств, но и привело к многократному их возрастанию. В результате проблему начали решать иначе, проверенным способом, повысив барьеры ограждения. Более предсказуемый¹ пример рисков использования умных технологий произошел в России. В 2023 г. алгоритмы ИИ опознали в российском ученом-гидрологе Александре Цветкове преступника, на основании сходства с фотороботом в 55 %. В результате ученый провел в заключении почти десять месяцев, пока обвинения в отношении него не были сняты. За технологическими ошибками скрываются огромные социальные и моральные риски. Если технологии, на которые горожане возлагают большие надежды, традиционно ассоциируемые с моральными аспектами жизни людей в городе (повышение уровня справедливого распределения ресурсов, безопасность, доверие и т. п.), не оправдывают этих надежд, а, наоборот, приводят к ухудшению положения дел, то насколько обоснованным является их внедрение? На самом деле за приведенными примерами скрывается нечто большее, нежели недостаточно продуманное использование технологий. Они отражают (и становятся следствием) постполитической конфигурации экзистенциальных, технологических, управленческих и других измерений современного города. Постполитизация города не влечет за собой ни исчезновения отчуждения, радикальных социально-политических конфликтов, антагонизма, ни большей политической или социально-экономической инклюзивности, которые раскрывают возможности повторного обращения к политическому.

Но что представляет собой постполитизация и существует ли альтернатива данному процессу? Об этом и пойдет речь в данной статье, цель которой показать, как идея морального города функционирует в качестве повторного сосредоточения политического и становится необходимым условием для предотвращения гуманитарных рисков постполитизации.

---

¹ В том смысле, что он воспроизводит те проблемы и кейсы, которые чаще всего обсуждают на университетских занятиях, посвященных этике искусственного интеллекта и рискам повсеместного введения умных технологий.

Город в ситуации постполитики

В последние годы в социальных науках разговоры об «упадке публичной сферы», «отходе политического» или «поглощении политического социальным» стали общим местом [10, с. 81]. В то время как формальная оболочка политики сохраняется, ее содержание становится все более выхолощенным, поскольку политическая деятельность подменяется широко распространенными институциональными или квазиинституциональными техниками управления, организованными в форме горизонтальных ассоциативных сетей частных (рыночных), гражданских (неправительственных) и государственных акторов. Такие сети принимают самое активное участие в процессе выработки, установления и реализации правил в различных географических масштабах, их можно встретить на всех уровнях – от городского до национального и транснационального. Эти способы управления рассматриваются в качестве новой формы «правительности», т. е. «руководства поведением» [2], в которой особая рациональность управления сочетается с новыми технологиями, инструментами и тактиками процесса коллективного принятия решений и установления правил, их реализации и зачастую поддержания социального порядка. Как утверждает М. Хаджер, эти техники управления применяются в условиях «институциональной пустоты»: «Не существует четких правил и норм, в соответствии с которыми должна проводиться политика и должны согласовываться политические меры» [17, р. 175].

С. Жижек определяет такое управление как неотъемлемую часть процесса постполитизации, в котором политика все больше отождествляется с жесткими и мягкими технологиями администрирования экономических, экологических, социальных и других областей общества: отличительной чертой постполитики становится управленческая функция, лишенная собственно политического измерения, иначе говоря, политикой занимаются, не принимая политических решений [5].

Основополагающим для понимания постполитики является специфическое различие или разрыв между политикой и политическим. Несмотря на то что впервые с теоретическим различием между политикой и политическим мы встречаемся у К. Шмитта, особую актуальность оно приобретает во второй половине XX в. в работах Х. Арендт, А. Бадью, Р. Волина, К. Лефорта, Ж.-Л. Нанси и Ф. Лаку-Лабарта, Ж. Рансьера, П. Рикера, Ш. Муфф. Разумеется, указанные авторы используют разные понятия политики и политического, например, политическое как разумная организация (П. Рикер), как публичная сфера (Х. Арендт), как специфический разрыв логики архе (Ж. Рансьер) или как событие (А. Бадью), ускользающее от любого значения. Тем не менее все описанные выше понятия и термины объединяет преимущественный интерес к различию политики и политического как неотъемлемому элементу современной политической системы и необходимости пересмотра политической теории. Кроме того, содержательно различие политики и политического сводится к тому, что «политика имеет дело с “онтическим”, а “политическое” – с “онтологическим”. Это означает, что определением “онтическое” охватывается все многообразие практик конвенциональной

политики, а термином “онтологическое” обозначается все имеющее отношение к тому, как устроено общество» [9, с. 88.]. С аналитической точки зрения можно сказать, что политика обладает позитивным онтическим статусом, политическое же обозначает онтологическое измерение установления общества в совокупности различных его сфер, в том числе политики в узком онтическом смысле: оно латентно, но активно, поскольку преследует политический порядок.

В оценке современного политического дискурса С. Жижек, применяя и дополняя категории Ж. Рансьера, выделяет пять способов нейтрализации различия политики и политического, иначе говоря, деполитизации общества: архи-, пара-, мета-, ультра- и постполитику. Каждая из них включает в себя фетишистское отрицание политического. Из всех перечисленных способов постполитика оказывается наиболее устойчивой оценкой современного политического дискурса: «Сегодня мы имеем дело с другой формой отрицания политического – постсовременной постполитикой, которая не просто “вытесняет” политическое... но гораздо более действенным образом “отвергает” его... В постполитике конфликт глобальных идеологических видений, олицетворяемых различными партиями, которые ведут соперничество за власть, заменяется сотрудничеством просвещенных технократов (экономисты, специалисты по общественному мнению...) и либеральных мультикультуралистов» [4, с. 272].

Возникновение процесса постполитизации сопровождается формированием совокупности динамик и практик [15; 16; 20], наиболее важными из которых являются экономизация политики и параллельная ей деполитизация экономики, вследствие чего публичные политические решения и выборы осуществляются в соответствии с логикой рынка. Так, фантазмы аутопоэтической самоорганизации экономики скрепляют политические представления о производстве, обмене, распределении общественного блага, при этом правительства прилагают значительные усилия для обеспечения правильного функционирования этого фантазма в экономической жизни. Другая значимая практика постполитизации предполагает включение в механизмы управления неуполномоченных акторов (консультантов, экспертов, менеджеров и т. п.), их привлечение легко вписывается в неолиберальную политическую установку на рынок в качестве главного социального института мобилизации и распределения ресурсов, критику «избыточности» государства, социальную инженерию по культивированию личной ответственности. Следует также упомянуть практики введения новых правительственных технологий и способов организации, опирающихся на мобилизацию и нормализацию определенного популизма.

Связь понятий «постполитика» и «город» не случайна. Она имеет как историческое, так и концептуальное обоснования, в соответствии с которыми само формирование города тесно переплетено с вопросом о конституировании социального порядка. Вместе с тем все большее число исследователей утверждают [15–17; 20], что постполитический город подразумевает маргинализацию политического, определяется деполитизацией и созданием техник управления, которые служат закреплению существующего социального по-

рядка. Управление превращается в администрирование текущих общественных координат, основанных на гегемонистском консенсусе, исключающем несогласие, критику и конфликт.

Сама идея постполитического города может быть представлена в двух измерениях. Во-первых, в дескриптивном измерении она описывает то, как определенные требования блокируются благодаря доминирующим механизмам консенсусного управления. Во-вторых, в концептуальном измерении она используется как отправная точка переосмысления города в качестве пространства политического. Таким образом, деполитизация всегда неполна, следовательно, возможности для возвращения политического остаются открытыми. Но каким образом возвращение политического становится возможным? На наш взгляд, одним из решений является обращение к концепту морального города.

Подходы к представлению морального города

С некоторой долей упрощения (с вытекающими отсюда оговорками) можно сказать, что моральный город – это политический концепт. Это не означает качественную характеристику горожан, не подразумевает, что все граждане в городе являются моральными. Введением концепта «моральный город» мы указываем на возможность преодоления потсполитизации города, техноуправленческой экспансии, возвращения публичности, публичных взаимодействий и обсуждений гражданами насущных проблем и отстаивания своих интересов.

Наряду с концептом «моральный город» в данной статье используются термины «этика» и «мораль» (и производные от них). Под этикой мы будем понимать организацию отношений, которую люди устанавливают интерактивно, например между индивидами («отношения-с»), и проактивно – к какому-либо роду вещей и явлений. В этой связи этика формируется как имманентно происходящим событиям, исходя из актуальной конфигурации людей и актантов, так и под влиянием моральных предписаний. Таким образом, этика – это совокупность ситуативных правил, которые оценивают наши поступки и мысли по отношению к соответствующим способам существования [1, с. 133]. В то же время мораль представляет собой совокупность предписывающих и регулирующих правил, которые оценивают действия людей, соотнося их с трансцендентными ценностями, это «форма общественного сознания; общественный институт, регулирующий отношения и поведение людей в обществе, особый способ освоения мира человеком» [8, с. 408].

В современной российской научной литературе термин «моральный город» употребляется крайне редко. Кроме того, исследования городов и морали, включающие в себя гиперобъекты, потоки, поля и порядки, нередко не выходят за рамки околонучного обсуждения и тем самым остаются малозаметными для тех, кто напрямую должен учитывать их результаты при управлении и развитии городов. Если рекомендации по обустройству пространств, удобству и размещению сообществ так или иначе превращаются из исследовательских в управленческие, обретая конкретный смысл и буквально объек-

тивируясь в архитектурных формах, то с моральными исследованиями тако-го не происходит. В большинстве случаев они оказываются в положении самоочевидных (все же и так представляют, что такое мораль), неочевидных (почему это именно мораль, а не что-то другое) или в качестве некоторого официализированного (и потому очевидного) догматико-идеологического посыла. Нетрудно догадаться, что последнее относится к политической позиции транслирования и принятия ценностей и идеалов, тогда как первое лучше всего соответствует различным вариациям антропологии городских сообществ.

Заметим, что сама тема морали в контексте городских исследований имеет богатое и славное прошлое. Она раскрывалась практически везде: от идеальных городов-государств и утопий до социологии чикагской школы. Проблема состоит в том, что не было выработано каких-либо однозначных ответов на вопросы о том, что же делает город моральным и что означает сама моральность как таковая. Существует по крайней мере три способа проблематизации морального в контексте городских исследований.

Во-первых, речь идет о необходимости самого прилагательного «моральный»: обязательно ли его выносить в заголовки? Множество исследований и концепций, посвященных развитию и достижению определенных качеств и характеристик городов, предлагают экономически и демографически достижимые показатели, превращаются в привычные модели и стратегии городского развития, переключаются из презентаций и книг архитекторов и философов в бюрократическую документацию. В подобных исследованиях во главу угла ставятся вопросы дизайна городской среды, построения уличной инфраструктуры, аспекты этики и морали здесь не выступают в качестве самостоятельного предмета.

Во-вторых, при любом разговоре о моральном городе необходимо определить, что именно должно быть представлено в качестве морального – способ организации отношений между индивидами, городскими сообществами, городскими властями? В этом случае мы оказываемся на пересечении политического, этического и социально-философского рассмотрений, поскольку речь заходит как о самих основаниях осуществимости городского общежития (совместности), так и о конкретных формах, которые необходимо будет принять этой совместности.

В-третьих, если социально-теоретическая и политическая концептуализация морального города дает теоретико-методологическую оптику и инструментарий, то следующим логичным шагом должны стать конкретные рекомендации по моральному регулированию совместности. Речь в этом случае должна идти о формировании некоторого единого этического кодекса города, «моральных гайдов» для городских властей и т. д. Будут ли подобные инициативы рабочими? Это вопрос, требующий отдельных исследований. В статье мы покажем примеры некоторых подобных проектов.

Описанные выше способы проблематизации не являются исчерпывающими. Кроме того, невозможно продумывать кодекс конкретных предписаний, не имея идеализированного этико-политического видения совместно-

сти, не учитывая того, что любая городская организация оказывается пространственно, технологически и вещественно реализуемой. От того, что мы выбрали только одну конфигурацию отношений, скажем, отношений людей-субъектов и/или вещей-актантов, все остальные люди – животные – неживые объекты отнюдь не исключаются из «этического видения», а значит, вопрос о моральности оказывается множественным (не существует универсального предписания для всех конфигураций и ситуаций) и выходит за пределы традиционных человекоцентристских представлений о совместности и морали.

Нужно заметить, что в перечисленных способах проблематизации остаются неартикулированными вопросы о критериях моральности и ее субъектах. Эти вопросы отнюдь не бессмысленны, ведь любая моральная оценка применительно к городу приобретает политическое звучание и очевидное экономическое измерение. Соответственно, мы можем говорить о морали применительно к городу как о первичных принципах построения совместности, имманентных городскому сообществу, и как о внешнем наборе регулирующих правил и предписаний, разрабатываемых и внедряемых для решения конкретных задач. При этом условно выделяются три компонента морального рассуждения: ценности, процессы, технологии. В действительности все три компонента взаимосвязаны, и рассматривать их отдельно друг от друга можно только для решения определенных задач. В этой триаде ценности оказываются множественной категорией, поскольку позволяют интегрировать два других компонента². Кроме того, ценностная идентификация лежит в основании морального порядка.

Понятие морального порядка имеет значительное число философских интерпретаций. Как показывает Ч. Тэйлор, различные версии понимания морального порядка напрямую определяли политические формы социальной сплоченности [13]. В этом отношении любое упоминание морального порядка оказывается несамостоятельным в том смысле, что оно определяется доминирующими представлениями о социальной иерархии, человеческой природе и экономике³.

Так, работы Р. Парка могут послужить отличным примером того, как мораль становится маркером не только человеческого поведения, но и эффективным инструментом пространственного определения городских сообществ: «Каждое новое поколение должно научиться приравниваться к порядку, который определяют и поддерживают главным образом старшие... Индивиды растут, включаются в жизнь сообщества, в конечном счете выпадают из нее и исчезают. Сообщество же вместе с моральным порядком, который оно в себе воплощает, продолжает жить дальше. Следовательно, жизнь сообщества включает в себе своего рода метаболизм» [11, с. 70]. Но Р. Парк, используя термин «моральный порядок», не дает ему развернутого определения, отсылая читателей к самоочевидности смысла. А. Лефевр [7]

² См., например, «горожанин может выступить в качестве источника данных и в качестве... оценивающего соответствие материальной среды города разделяемым им ценностям» [3, с. 250].

³ «...Основной чертой нового нормативного порядка является взаимное уважение и помощь друг другу составляющих общество индивидов» [13, с. 34].

также упоминает о моральном порядке вскользь. Между тем вопрос о том, что же позволяет привнести моральное видение в исследование городов, остается у этих авторов открытым, поскольку порядок (порядки) служит, скорее, дескриптивной переменной с вариативным содержанием. Применительно к постполитическому городу такое видение морального порядка оказывается вредоносным, поскольку воспроизводимая множественность очерчиваемых вариаций долженствования противостоит любой «политике без политического»: она плохо планируема и не поддается административному контролю.

Напротив, М. Игнатъев видит моральный порядок в ином ключе, предполагая, что применительно к городу «моральная жизнь... ошибочно понимается как соблюдение команд сверху вниз», тогда как это, скорее, «проявление общепринятых (ordinary) добродетелей» [18, р. 52]. Понимаемые таким образом добродетели оказываются разделяемыми всеми сообществами, независимо от их культурных или этнических особенностей, и служат основанием городской операционной системы: «Общепринятые добродетели – доверие, честность, вежливость, терпимость, уважение – являются операционной системой любого сообщества. <...> Этика может быть смоделирована как операционная система, поскольку, подобно программному обеспечению, она гарантирует предсказуемость, необходимую для стабильных человеческих взаимодействий» [18, р. 52]. Заметим, что предлагаемое М. Игнатьевым понимание коррелирует с современными концепциями умных городов, и тогда основная моральная проблема технологической постполитической организации состоит в том, каким образом общепринятые добродетели могут проявляться в рамках киберфизических систем. По мнению исследователя, «операционная система отфильтровывает большинство шумов и предоставляет нам устойчивые ожидания и рекомендации» [18, р. 56]. Такая стабильная система лежит в основании обсуждения вопросов человеческого сосуществования в городе. Если этику дискурса Ю. Хабермаса подвергали критике из-за невозможности нахождения исходной точки формирования последующего конвенционального решения [6], то концепция М. Игнатьева могла бы послужить отличным ее дополнением. Однако вопросы о том, за счет чего (в опоре на какую сторону человеческого бытия) должна формироваться операционная система общепринятых добродетелей, существуют ли в этом случае собственные моральные риски, остаются открытыми.

Нетрудно провести параллель между таким описанием морального порядка и постполитическим городом. И в первом, и во втором случаях предполагается наличие автоматизации принятия решений и консенсуса, но проблема заключается в самом понятии добродетели: будучи всегда индивидуализированным и при этом общепринятым, оно переопределяется в соответствии с актуальными требованиями события. Более того, общепринятость не означает абсолютного единодушия, консенсуса и единообразного рационально сформулированного понимания. К примеру, доверие как этическое требование, предъявляемое к технологиям искусственного интеллекта, и доверие как человеческая добродетель будут иметь разное значение. В первом случае оно экономически и административно измеримо, тогда как во втором

складывается исходя из индивидуального опыта и черт характера человека. Следовательно, определяемый добродетелями моральный порядок не укладывается в постполитические практики, оказываясь для них чрезмерным.

Рассмотренные нами выше способы описания морального порядка позволяют говорить о нем как о чем-то устойчивом и видеть в нем удобный структурообразующий элемент. Напротив, ориентация на акторно-сетевую теорию или различные версии объекто-ориентированной онтологии подобную константность отвергает. В этом случае моральный порядок превращается в сборку разнородных элементов, порождающих собственную ценностную наполненность и конфигурацию отношений. Так, используя в своем исследовании метафору моральных миров, Д. Савков говорит следующее: «То, что в этой работе называется моральными мирами, не является предзаданной социальной конфигурацией, а обозначает типичную или атипичную ситуативную сборку, которая определяется гаджетами и другими материальными объектами» [12, с. 534]. Различные объектные и актантные конфигурации представляют город в его многообразии, где люди, технологии, животные и процессы формируют подлинную этическую ситуацию совместного существования.

Проблема состоит в том, что подобные методологии, позволяющие сделать крайне интересные срезы реальности, оказываются не вполне удобными для формирования конкретных управленческих решений: описываемые ими эффекты и конфигурации далеко не всегда прогнозируемы. С этой точки зрения они неинструментарны и непрагматичны, т. е. неудобны для постполитического измерения. В отличие от структурирующего или идеологически обосновывающего морального порядка такие исследования могут и должны учитываться при разработке решений или стратегий городского развития, но не могут лежать в их основе.

Рекомендации по организации морального взаимодействия

Для чего городу как сборке процессов, людей, объектов или как живой самоорганизующейся и извне организуемой системе нужна мораль? С управленческой точки зрения этот вопрос не всегда очевиден. Кто-то из досуужих обывателей может предположить, что она требуется для того, чтобы получать бинарную оценку реализуемых политических решений по типу «это хорошо, а вот это плохо». Но сама по себе эта оценка ничего не изменит. Существуют два взаимодополняющих варианта ответа на поставленный выше вопрос.

Первый вариант предполагает, что мораль нужна городу для принятия решений, сохраняющих баланс интересов сообществ и институтов, в них заинтересованных. Следует заметить, что поскольку такой поиск баланса реализуется на уровне сообществ, а не индивидов, то наиболее логичным подходом здесь было бы перемещение в поле нормативной этики, где принимаемые решения оказываются «подвешенными» между деонтологической системой, необходимой для выработки конкретных предписаний и условий взаимодействий, признаваемых большинством горожан и городских сооб-

ществ, и консеквенциалистскими стратегиями, требующимися для установления своеобразных границ дозволенного, расчета и планирования совместной деятельности, а также понимания (если такое возможно) условий нарушения некоторых рамок и предписаний. Таким образом формируется «моральное лицо» города. Накапливающиеся городскими сообществами опыт и традиции позволяют сделать внутригородские взаимодействия предсказуемыми и сформировать доверие к принимаемым решениям.

Есть и другой вариант. Как мы говорили об этом выше, речь может идти о конкретных рекомендациях или предписаниях, подобных корпоративному этическому кодексу. В худшем случае такой вариант рискует превратиться в «этику для галочки», в некий свод правил и предписаний, который показывают, декламируют наизусть, но никогда в действительности не соблюдают. Такой исход возможен по двум причинам. Во-первых, при желании зафиксировать некоторый благоприятный баланс сил или успешный опыт, но без обновления и пересмотра в зависимости от текущих условий и ситуации такая фиксация оказывается бессмысленной и совершенно нерабочей. Во-вторых, свод моральных правил и предписаний носит некое символическое значение, но никак не соответствует реальным потребностям.

Так как же должны быть представлены рекомендации и предписания в моральном городе? Некогда К. Миллер разместила в открытом доступе модель этического кодекса города, разработанную в рамках исследований, проводимых Гарвардским центром этики. И хотя представленные исследовательницей наработки оказались дискуссионными, некоторые положения модели до настоящего времени не утратили своей актуальности. В этом случае этический кодекс города предстает как способ организации правил, требований и предписаний, созданных не просто для того, чтобы продвигать совокупный интерес всех горожан, но и чтобы выделять и очерчивать область отдельных интересов различных бенефициаров, а также надгородских интересов: региональных, национальных и т. д. В таком кодексе соблюдены следующие принципы: этика для города должна быть функциональна, разделяема большинством жителей, используется при принятии решений [19].

Кроме того, этика должна стать тем ресурсом, посредством которого действия городских властей, бизнеса и городских активистов воспринимаются как прозрачные и заслуживающие доверия. Как и в любом корпоративном этическом кодексе, предписания предполагают включение в себя свода антикоррупционных правил. Такие детально прописанные правила в идеале должны дополнять существующие правовые нормы и способствовать предотвращению конфликтов, возникающих между различными городскими сообществами. Среди конфликтов наиболее актуальными являются следующие: 1) расхождение между официальной позицией городских властей или социальных институтов и ценностями доминирующей культуры (иначе говоря, культурным контекстом, в котором официальная позиция должна проявляться); 2) необходимость делать выбор между экономической выгодой сообществ-бенефициаров или города в целом и нематериальными ценностями

ми, сохранение которых влечет дополнительные финансовые расходы; 3) конфликт экспертов, предполагающий, что и у городских властей, и у бизнеса, и у отдельных горожан, и у городских сообществ есть весомые основания полагать, что в некоторых вопросах они более компетентны; 4) внедрение новых технологий, происходящее в отсутствие сформированных моральных норм их применения.

Предотвращение и разрешение описанных конфликтов также требует наличия определенного рода моральных предписаний. Подобно замкнутому кругу, такие предписания могут быть сформированы лишь при внятно артикулируемых и разделяемых всеми городскими сообществами ценностях и базовом моральном основании. Б. Барретт, Р. Е. Хорн и Дж. Фэйн предлагают представить возможную конкретизацию этого вопроса в виде четырех измерений морального города, включающих в себя, помимо этических горожан, этическое лидерство, этическое планирование и этическую бизнес-среду [14]. Каждое из приведенных измерений, в свою очередь, предполагает наличие конкретных характеристик и факторов. Репрезентативность морального порядка в этом случае строится на политическом участии сообществ (живом участии), а не на экспертном администрировании «вечного согласия».

Заключение

Политика – это попытка привести социальный порядок в соответствие с пространством города, с разделением деятельности, власти, функций, индивидов или групп, а также мест. Подобные разделения предопределяют «легитимных» граждан, актуализируют одни вопросы, замалчивают другие. Идея морального города проблематизирует такие распределения, обнажает то, как совместное существование разыгрывается в производстве пространственной ткани города. Она не довольствуется сглаживанием техно-политических диспозитивов, воспроизводящих социальное неравенство, политическое отчуждение и экономическую дезинтеграцию, а артикулируется вокруг равенства и солидарности. Но для ее применения необходимо принять особую концептуализацию различия политики и политического, поскольку в противном случае существует опасность воплощения этого концепта в виде строго морализаторского кодекса. Такое различие в ситуации постполитизации исключается.

Если концепт морального города используется по назначению, то он становится политико-критическим инструментом, позволяющим связать анализ городских процессов с нормативными обязательствами демократических обществ. В этом связывании можно выделить три отчетливые перспективы. Во-первых, это аналитическая концептуализация различия между политикой и политическим и способов его нейтрализации в историко-политической динамике города. Во-вторых, включение этого различия в исследование новых форм «возвращения политического», новых социальных практик, способных запустить и поддержать активное политическое участие. В-третьих, представление «умных технологий» в качестве лишь одного из значимых факторов политического участия, тем самым город освобождается

от техноцентристской тотальности. Таким образом, концепт морального города обладает живым политическим потенциалом, но для его воплощения требуется внимание, дабы избежать описанных в данной статье трудностей, и готовность городских сообществ и властей слышать и признавать друг друга.

Список литературы

1. Делез Ж. Жизнь как произведение искусства // Переговоры. 1972–1990. СПб. : Наука, 2004. С. 125–134.
2. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / под ред. С. М. Гавриленко ; пер. с англ. А. А. Писарева. М. : Дело РАНХиГС, 2016. 592 с.
3. Желнина А. Инвентаризация городского пространства и эмоциональный менеджмент городских инициатив // Сети города: люди, технологии, власти / под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М. : Нов. лит. обозрение, 2021. С. 230-256.
4. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Шукиной. М. : ИД Дело РАНХиГС, 2014. 528 с.
5. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М. : Ад Маргинем, 2003. 256 с.
6. Керимов Т. Х. Неразрешимости. М. : Акад. проект. 2007. 216 с.
7. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 19–26.
8. Лихачева Л. С. Мораль // Современный философский словарь. М. : Акад. проект, 2004. С. 408–409.
9. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. М. : ИФ РАН, 2008. С. 87–102.
10. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск : Лонгвинов. 2004. 272 с.
11. Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Избранные очерки : сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал.-науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии / сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев ; отв. ред. Д. В. Ефременко. М. : [б. и.], 2011. С. 66–79.
12. Савков Д. Вместе или раздельно? Моральные миры и режимы использования гаджетов в маршрутных такси Волгограда // Сети города: люди, технологии, власти / под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М. : Новое лит. обозрение, 2021. С. 525–536.
13. Тэйлор Ч. Современный моральный порядок // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 26–41.
14. Barrett V. F. D., Fien J., Horne R. E. The Ethical City: A Rationale for an Urgent New Urban Agenda // Sustainability. 2016. N 8(11): 1197. P. 1–14. DOI 10.3390/su8111197
15. Crouch C. The March towards Post-Democracy, Ten Years On // Political Quarterly. 2015. N 87. P. 71–75.
16. Dikeç M., Swyngedouw E. Theorizing the Politicizing City // International Journal of Urban and Regional Research. 2017. N 41. P. 1–18.
17. Hajer M. Policy without Polity? Policy Analysis and the Institutional Void // Policy Sciences. 2003. N 36. P. 175–195.
18. Ignatieff M. The Ordinary Virtues: Moral Order in a Divided World. Cambridge, Massachusetts ; London : Harvard University press, 2017. 272 p.
19. Wechsler R. Model Code – Introduction. URL: <https://www.cityethics.org/content/model-code-introduction> (дата обращения: 09.09.2024).
20. Swyngedouw E. The Antinomies of the Postpolitical City: In Search of a Democratic Politics of Environmental Production // International Journal of Urban and Regional Research. 2009. N 33. P. 601–620.

References

1. Deleuze G. Zhizn kak proizvedenie iskusstva [Life as a Work of Art]. *Peregovory*. 1972–1990. Saint-Petersburg, Nauka, 2004, pp. 125–134. (in Russian)
2. Din M. *Pravitel'nost': vlast i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality: Power and Rule in Modern Society]. Ed. S.M. Gavrilenko; transl. by A.A. Pisareva. Moscow, Delo RANHiGS Publ., 2016, 592 p. (in Russian)

3. Zhelnina A. Inventarizaciya gorodskogo prostranstva i emocionalnyj menedzhment gorodskih iniciativ [Cataloging Urban Spaces and the Emotional Management of Urban Initiatives]. *Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* [Urban Networks. People. Technologies. Governance]. Eds. E. Lapinoy-Kratasyuk, O. Zaporozhec, A. Voz'yanova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 230-256. (in Russian)
4. Žižek S. *Shchekotlivyyj sub"ekt: otsutstvuyushchij centr politicheskoy ontologii* [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology]. Per. angl. S. Shchukinoj. Moscow, Delo RANHiGS Publ., 2014. 528 p. (in Russian)
5. Žižek S. *13 opytov o Lenine* [13 experiments about Lenin]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2003, 256 p. (in Russian)
6. Kerimov T.Kh. *Nerazreshimosti* [Undecidibilities]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2007, 216 p. (in Russian)
7. Lefebvre H., Efirov S. Idei dlya koncepcii novogo urbanizma [Propositions for the new urbanism]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. 2002, vol. 2, no. 3, pp. 19-26. (in Russian)
8. Lihacheva L.S. Moral [Morality]. *Sovremennyj filosofskij slovar*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2004. pp. 408-409. (in Russian)
9. Mouffe Ch. *Politika i politicheskoe* [Politics and the Political]. *Politiko-filosofskij ezhegodnik* [Political Philosophy Yearbook]. Moscow, IF RAN Publ., 2008, vol. 1, pp. 87-102. (in Russian)
10. Nancy J.-L. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being Singular Plural]. Minsk, Longvinov Publ., 2004, 272 p. (in Russian)
11. Park R.E. Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstveinaya konfiguraciya i moralnyj porjadok [The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order]. *Izbrannye ocherki* [selected essays]. Transl. by V.G. Nikolaev; Ed. D.V. Efremenko. Moscow, 2011, pp. 66-79. (in Russian)
12. Savkov D. Vmeste ili razdelno? Moralnye miry i rezhimy ispolzovaniya gadzhetov v marshrutnyh taksi Volgograda [Moral Worlds and Modes of Using Mobile Devices in Volgograd Marshrutkas]. *Seti goroda: Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* [Urban Networks. People. Technologies. Governance]. Eds. E. Lapinoy-Kratasyuk, O. Zaporozhec, A. Voz'yanova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. pp. 525-536. (in Russian)
13. Taylor Ch. *Sovremennyj moralnyj poryadok* [The Modern Moral Order]. *Antinomii*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 26-41. (in Russian)
14. Barrett B.F.D., Fien J., Horne R.E., The Ethical City: A Rationale for an Urgent New Urban Agenda. *Sustainability*, 2016, no. 8(11):1197, pp. 1-14.
15. Crouch C. The March towards Post-Democracy, Ten Years On. *Political Quarterly*, 2015, no. 87, pp. 71-75.
16. Dikeç M., Swyngedouw E. Theorizing the Politicizing City. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2017, no. 41, pp. 1-18.
17. Hajer M. Policy without Polity? Policy Analysis and the Institutional Void. *Policy Sciences*, 2003, no. 36, pp.175-195.
18. Ignatieff M. *The Ordinary Virtues: Moral Order in a Divided World*. Cambridge, Massachusetts, London, Harvard University press, 2017, 272 p.
19. Wechsler R. Model Code – Introduction. Available at: <https://www.cityethics.org/content/model-code-introduction> (date of access: 09.09.2024).
20. Swyngedouw E. The Antinomies of the Postpolitical City: In Search of a Democratic Politics of Environmental Production. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2009, no. 33, pp. 601-620.

Сведения об авторах

Керимов Тандыг Хафизович
 доктор философских наук, профессор,
 заведующий, кафедра социальной философии,
 департамент философии Уральского
 гуманитарный институт

Information about the authors

Kerimov Tapdyg Khafizovich
 Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
 Head, Department of Social Philosophy, Faculty
 of Philosophy, Ural Institute of Humanities
 Ural Federal University named after first

*Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620000,
г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51
e-mail: tapdyg.kerimov@urfu.ru
ORCID 0000-0002-2286-8412*

*President of Russia B. N. Yeltsin
51, Lenin ave., Yekaterinburg, 620000,
Russian Federation
e-mail: tapdyg.kerimov@urfu.ru
ORCID 0000-0002-2286-8412*

Томильцева Дарья Алексеевна
*кандидат философских наук, доцент,
кафедра социальной философии,
департамент философии, Уральский
гуманитарный институт
Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620000,
г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51
e-mail: Daria.Tomiltseva@urfu.ru
ORCID 0000-0001-9264-9680*

Tomiltseva Daria Alexeyevna
*Candidate of Sciences (Philosophy), Associate
Professor, Department of Social Philosophy,
Faculty of Philosophy, Ural Institute of
Humanities
Ural Federal University named after first
President of Russia B. N. Yeltsin
51, Lenin ave., Yekaterinburg, 620000,
Russian Federation
e-mail: Daria.Tomiltseva@urfu.ru
ORCID 0000-0001-9264-9680*